

№ 3

журнал критики и литературоведения

ВОПРОСЫ литературы

май — июнь

2020

42 / Юрий Нагибин и тени дома Нирнзее

75 / На пути к Тоболу

126 / О состоянии литературной полемики

148 / Корней Чуковский. Поэтика жанров: дневник и детектив

213 / Юрий Домбровский в архивах ВГЛК

ISSN 0042-8795

журнал основан в 1957 году

№ 3

журнал критики и литературоведения

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ

май — июнь

2020

журнал основан
в 1957 году

москва

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

/ К 75-летию Победы

- 13 **С. ПЕРЕВАЛОВА.** ТРАДИЦИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ
КЛАССИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ УЧАСТНИКОВ
СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ
- 33 **В. Поляков.** «СРЕДЬ ВЫЦВЕТШИХ СТРОК “БОЕВОГО ЛИСТКА”».
Юрий Инге

/ Pro domo sua

- 42 **С. ЛЮТОВА, И. ДРОНОВА.** ЮРИЙ НАГИБИН И ТЕНИ
ДОМА НИРНЗЕЕ

ЛИТЕРАТУРНОЕ СЕГОДНЯ

- 61 **С. СЕКРЕТОВ.** НЕСБЫВШИЕСЯ. После молодости

/ Новейшая антология

- 75 **А. ТИМОФЕЕВ.** На пути к Тоболу

ВЕК МИНУВШИЙ

- 102 **О. ШЕЛУХИНА.** ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОВЕСТИ
Ю. ТРИФОНОВА «ДОМ НА НАБЕРЕЖНОЙ»

ПОЛЕМИКА

/ О состоянии литературной полемики

- 126 **О. МИНУЛЛИН.** ПРОТИВОСТОЯНИЕ ДЕКОНСТРУКЦИИ:
ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ ТЕОРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЦЕЛОСТНОСТИ
- 139 **Л. КАЦИС.** ОБ ОДНОМ «КРУГЕ» И О ЕГО КРУЖКОВОЙ
ИЗБИРАТЕЛЬНОСТИ. К проблеме «Набоков и Пастернак»

ПОЭТИКА ЖАНРА

- 148 **Т. ГОРДОН.** «Никуда не годится, но мне очень нравится». Поэтика дневниковой прозы К. Чуковского
- 169 **П. МОИСЕЕВ.** «Чушь страшная, но нельзя оторваться». Чуковский и детектив

В ТВОРЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ

- 187 **Л. КАЦИС, А. ГОРДОН.** «И для врагов – смола...»

ПУБЛИКАЦИИ. ВОСПОМИНАНИЯ. СООБЩЕНИЯ

- 213 **И. ДУАРДОВИЧ.** На черную доску, или Юрий Домбровский в архивах ВГЛК (1925–1929)

КНИЖНЫЙ РАЗВОРОТ

- 277 Французские и франкоязычные рукописи в России (XVIII – начало XX в.) (**М. МАРКОВА**)
- 283 В. М. Есипов. Мифы и реалии пушкиноведения. Избранные работы (**С. ПИСКУНОВА**)
- 289 П. С. Глушаков. Шукшин и другие: статьи, материалы, комментарии (**Д. УРНОВ**)
- 295 Михаил Яснов. Детская комната французской поэзии. Переводы. Портреты. Встречи (**В. ЧЕПИГА**)

DOI: 10.31425/0042-8795-2020-3-169-186

«ЧУШЬ СТРАШНАЯ, НО НЕЛЬЗЯ ОТОРВАТЬСЯ»

Чуковский и детектив

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ МОИСЕЕВ

кандидат философских наук

Пермский государственный институт культуры

(614000, Российская Федерация, г. Пермь,

ул. Газеты «Звезда», д. 18;

email: petre@mail.ru)

Аннотация. В статье анализируется крайне противоречивое отношение К. Чуковского к детективу, нашедшее отражение в его статьях, дневниках и переписке. Высказывая ценные и остроумные наблюдения и явно получая удовольствие от чтения детективов, критик в то же время неоднократно признавался, что не понимает сущности этого жанра и причин его успеха.

Ключевые слова: К. Чуковский, А. Конан Дойль, Г. К. Честертон, детектив.

Статья поступила 17.01.2020.

© 2020, П. А. Моисеев

DOI: 10.31425/0042-8795-2020-3-169-186

‘COMPLETE RUBBISH BUT A REAL PAGE-TURNER’

Chukovsky and detective stories

PYOTR A. MOISEEV

Candidate of Philosophy

Perm State Institute of Culture

(18 Gazety ‘Zvezda’ St., Perm, 614000, Russian Federation;

email: petre@mail.ru)

Abstract: K. Chukovsky was one of Russia’s first scholars of detective fiction. Yet his literary criticism on this particular topic has never been researched. Nor has it come to light that his attitude to the genre was ambivalent. On the one hand, he knew it very well, was a regular reader of detective stories and made a number of valuable observations about the works of Conan Doyle (whose writing he contrasted with the cheap sensationalist books about Nat Pinkerton, stressing the quality of logic in Conan Doyle’s stories) and Wilkie Collins. On the other hand, he often made very critical and ironic remarks about the genre, confessing that he failed to comprehend the reason for its popularity. The article suggests the grounds for Chukovsky’s attitude: he argued that literature was linked to ‘the most important personal experience’ (in the words of the writer N. Oleynikov), with entertaining literature automatically dismissed as an outsider to real art.

Keywords: K. Chukovsky, A. Conan Doyle, G. K. Chesterton, a detective story.

The article was received on 17 Jan. 2020.

© 2020, P. A. Moiseev

Общеизвестно, что Чуковский стал одним из первых исследователей массовой культуры вообще и массовой литературы в частности. Именно в таком ключе обычно рассматриваются его статьи о «Нате Пинкертоне», А. Вербицкой, Л. Чарской. Так, Н. Зоркая анализирует эти работы в своей книге, посвященной русскому массовому искусству начала XX века. Она пишет, в частности: «К. И. Чуковский — единственный из современников заинтересовался, помимо содержания, также и стилистикой опусов бульварных беллетристов, отметив ряд специфических и общих ее свойств» [Зоркая 1976: 161]. Ей вторит Т. Карлова: «Перед литературной критикой этих лет стояли новые задачи <...> По сравнению с критикой прошлого, выявлявшей социальные задачи искусства, появилась необходимость социологических исследований в области литературы и искусства: что читают широкие массы, какие идеологические стереотипы навязывает им литература, учитывающая массовый спрос и основанная на этом коммерцию от искусства» [Карлова 1988: 101]. «Исследователем феномена массового искусства» называет Чуковского и А. Кочеткова в своей диссертации «К. И. Чуковский — литературный критик 1900–1910-х годов» [Кочеткова 2004].

Однако Чуковского интересовала не только массовая, но и развлекательная литература. Он занимался не только вопросом о том, «что же такое “плохое письмо”», не только «признаками плохой литературы» [Зоркая 1976: 161], но и литературой художественной, хотя и несерьезной.

Чуковский — один из первых русских критиков, затронувших в своих статьях тему детектива. Не менее известна роль Чуковского как переводчика, редактора переводов, составителя сборника произведений о Шерлоке Холмсе и автора предисловия к этому сборнику. Однако тема «Детектив и Чуковский» исследована не так уж и хорошо — возможно, как раз по причине ее кажущейся простоты и прозрачности.

Начнем с самого очевидного. Нетрудно доказать, что Чуковский хорошо знал детективный жанр и тонко чувствовал его специфику.

Так, широко и заслуженно известна статья 1908 года «Нат Пинкертон и современная литература», в которой Чуковский справедливо отказывает брошюркам о Нате Пинкертоне в принадлежности к литературе; однако интересно, что недостатки, которых полны эти брошюрки, он демонстрирует на фоне достоинств Конан Дойля. Тем самым Чуковский сразу же уничтожает столь распространенное до сих пор смешение массовой

и развлекательной литературы, показывая, что развлекательность и художественность вовсе друг друга не исключают.

Чуковский отмечает роль логики у Конан Дойля, противопоставляя ей «огромнейший кулак» Пинкертона. Само по себе это наблюдение, может быть, не блистает оригинальностью: трудно, прочитав хотя бы одно-единственное произведение о Холмсе, не заметить, что оно возвеличивает «силу и могущество логики, обаятельность человеческой мысли, находчивость, наблюдательность, остроумие» [Чуковский 2012а: 50]. Однако важно другое: не пройдет и двадцати лет, как в зарубежной литературной критике начнет происходить смешение двух жанров — детективного и приключенческого. Разумеется, «крутые» романы и рассказы Д. Хэммета, Р. Чандлера и некоторых других менее известных авторов написаны неизмеримо более талантливо, чем брошюры о Пинкертоне. И все же это разные жанры, хотя мало кто из писавших о «крутом» романе понимал принципиальную разницу между логикой как оружием сыщика в детективе и кулаком как оружием сыщика в приключенческом романе. Чуковский эту разницу видит. Хотя он и не использует слова «жанр», но в статье 1908 года показывает, что Холмс и Пинкертон различаются не только по художественному уровню посвященных им произведений: между ними вообще очень мало общего именно потому, что в рассказах о Пинкертоне ни малейшей роли не играет логика.

Вторая особенность произведений Конан Дойля, отмечает Чуковский, — это идеальные черты Холмса, идеальные как в этическом (бескорыстие), так и в поэтическом отношении (любовь к искусству, отношение к расследованию как к искусству, романтичность). Эти идеальные черты очень точно и удачно связываются с ролью логики у Конан Дойля: Холмс не стремится к большому гонорару — само дело служит ему наградой, и дело это заключается в разгадывании загадки силой логики. Чуковский хотя и не высказывает обобщений о сути детективного жанра, но этой сути все же касается, настойчиво называя Холмса поэтом и указывая на его любовь к логике; критик прямо не употребляет выражений вроде «поэзия логики», но говорит именно об этом.

Когда Чуковский заводит речь о стиле Конан Дойля, то под покровом иронии, с которой говорится о «мечтательном и грустном отшельнике, поэте, музыканте и сыщике, пленительном Шерлоке Холмсе» [Чуковский 2012а: 40], угадывается искреннее восхищение персонажем. Восхищение это, видимо, уходит корнями в раннюю юность писателя — если судить по обмолвке в «Серебряном гербе»,

во времена, когда ему было 16–17 лет («Уже на втором или третьем уроке я вступал со своими питомцами в длинные разговоры о посторонних вещах — о том, как ловить тарантулов, как делать камышовые стрелы, как играть в пиратов и разбойников, а также о подвигах Уточкина, о “Копях царя Соломона”, о приключениях Шерлока Холмса» [Чуковский 2012с: 536]).

Перейдем теперь к упомянутому выше сборнику Конан Дойля, который впервые увидел свет в 1945 году¹. Сборник этот составлен тщательно, а предисловие написано с явной симпатией и к Конан Дойлю, и к Холмсу, и к произведениям о Холмсе.

Надо отметить, что в середине 1940-х годов похвала детективному жанру или даже одному его представителю уже была знаковым явлением; тем более что Чуковский хвалил детектив именно за то, что в нем является существенным (воспевание логики), и прямо указывал (под видом осуждения) на отсутствие у Конан Дойля социальной критики (которую многие другие советские литературоведы усердно старались найти и в детективе, и в приключенческом романе). Как и в статье «Нат Пинкертон», в этом предисловии Чуковский достоинства детективного жанра приписывает почти исключительно циклу о Холмсе; в то же время он — очень осторожно — расширяет круг упоминаемых авторов, называя в качестве учителей Конан Дойля Эдгара По и «талантливого английского беллетриста Уилки Коллинза» [Чуковский 2012b: 575]. Любопытно, что Конан Дойль неоднократно назван в этом предисловии детским писателем; судя по всему, такое узкое определение — своего рода страховка: мол, ничего страшного, если в саге о Холмсе не хватает критики капиталистического общества, все-таки это детская литература, а с нее какой спрос?

Не предлагая никаких принципиально новых идей, это предисловие все же в популярной форме повторяло самые ценные мысли старой статьи Чуковского и представляло собой пусть несколько сдержанную, но здравую апологию детектива.

Следующий текст Чуковского, наглядно демонстрирующий его горячую любовь к детективному жанру, — это послесловие к статье «Нат Пинкертон», написанное в 1968 году, то есть за

1 К сожалению, издание 1945 года практически недоступно. Судя по всему, вошедший в него вариант предисловия Чуковского был меньшего объема, чем более поздний текст, неоднократно перепечатывавшийся начиная с 1956 года. На него я и опираюсь в статье.

год до смерти писателя. Послесловие это очень короткое, на две странички, и здесь Чуковский утверждает, что массовая культура (самого этого термина он по-прежнему не употребляет) во многом оказалась преодолена. Одним из симптомов этого преодоления он считает как раз существование детективного жанра, отмечая уже заслуги не только По, Коллинза и Конан Дойля, но и Честертона, и Кристи, и Сэйерс, причем — любопытная деталь — именно Сэйерс, а не Честертон или Кристи он называет «самой даровитой из всех этих авторов» [Чуковский 1969: 149].

Логика понятна: в 1908-м в литературу еще не вошли ни Честертон, ни Кристи, ни Сэйерс, а популярность Пинкертона была беспрецедентной. Если же у Конан Дойля появились достойные преемники, то говорить о победе «готтентотства» пока еще рано.

Наряду с высказываниями Чуковского о Конан Дойле стоит упомянуть его краткую характеристику творчества Уилки Коллинза (которого, напомним, он неоднократно выделял среди других авторов детективов). Характеристика эта содержится в письме В. Каверину от 27 октября 1940 года и посвящена, казалось бы, частному вопросу — соотношению в развлекательном романе собственно динамики — и пауз, того, что Чуковский в этом письме называет «воздухом». Говоря о «Двух капитанах» и оценивая их очень высоко, критик в то же время замечает:

Единственный есть у нее (книги Каверина. — П. М.) недостаток, — который, в сущности, происходит от ее достоинств: она слишком авантюрна. Вы оказались таким мастером фабулы, таким неистощимым изобретателем занимательных ситуаций, что даже злоупотребляете этой своей силой. Уже в первой главе сразу: и утонувший почтальон, и немота героя, и убийство на мосту, и фальшивая улика — и так идет до самого конца. В этом чудесном лесу должны быть, мне кажется, прогадины. Вы так хорошо владеете жанровым, бытовым материалом; повесть всякий раз колоссально выигрывает, когда Вы уходите от авантюры в эту область — не потому, что авантюры плохи, а потому что их слишком много. Вспомните хотя бы Уилки Коллинза. Он ли не был гением приключений и тайн! Однако сколько воздуха в его «Moonstone'e», «Woman in white» и др. Нет этой тесноты, этого переизобилия эксцентрики [Чуковский 2013d: 311].

Замечание это, при всей его, казалось бы, случайности, снова показывает, как высоко ставил Чуковский классиков детектива и как тонко чувствовал законы построения развлекательного сюжета.

Облик Чуковского — любителя детектива дополняют его дневники и письма, в которых он неоднократно делится впечатлениями о прочитанных детективах. Так, в марте 1949 года, в письме к Мариэтте Шагинян, он практически с восторгом отзывается о романе Арчибальда Филдинга («Murder at the Nook — превосходная книга. Характер Mrs. Markham самобытен и нов. И очень интересно узнать, кто же убил эту девушку!» [Чуковский 2013d: 369]), а в комментарии к этому письму сообщается:

К. Чуковский и М. Шагинян увлекались детективами, особенно английскими, и время от времени обменивались книжками. Сохранилась недатированная записка Чуковского: «Бесконечно благодарен Вам, дорогая Мариэтта Сергеевна, за детективную книжку. Хотя уже на 60-й странице можно догадаться, кто убил старика, я с удовольствием дочитал весь роман до последней страницы, и он усладил для меня послеоперационную скуку» (Архив Е. В. Шагинян) [Чуковский 2013d: 370].

Об увлечении Чуковского детективами писала и его секретарь К. Лозовская, особо отмечавшая, что «Корней Иванович поражался изобретательности авторов и, начиная новый роман, с интересом ждал той страницы, на которой совершится убийство» [Лозовская 1983]. В письме Т. Литвиновой от конца апреля 1954 года Чуковский говорит: «Если Вы хотите на самом деле скрасить мое умирание — пришлите какую-нб. detective story или моего любимого Trollope'а» [Чуковский 2013d: 392–393]; в феврале 1965-го признается в письме Соне Гордон, что читал почти всего Майкла Иннеса (на тот момент — около 25 романов и 2 сборника новелл) [Чуковский 2013d: 674], а чуть раньше — что у него есть весь Эллери Квин (по оценке Гордон — 50 книг, на самом деле, возможно, немного меньше) [Чуковский 2013d: 663, 664]; в письме И. Бесту от 3 августа 1969 года Чуковский упоминает, что прочитал 20 романов Эрла Стэнли Гарднера, 10 романов Рекса Стаута и множество книг Рэймонда Чандлера [Чуковский 2013d: 650].

Итак, картина ясна: Чуковский — несомненный любитель, знаток и популяризатор детективного жанра. Однако при ближайшем рассмотрении ситуация меняется.

Так, в первой дневниковой записи за 1957 год Чуковский резко отрицательно отзывается о своих занятиях Конан Дойлем:

Весь прошлый год я жил в идиотских трудах. Зачем-то два месяца истратил на редактирование Конан Дойла, месяц переводил «Тома

Сойера» — зачем? зачем? — и для Блока, Слепцова, мемуаров не осталось времени. Идиот. Душегуб [Чуковский 2013с: 226].

Конечно, можно не делать из этой записи далеко идущих выводов: как-никак, ее автору скоро должно было исполниться 75, и его нежелание размениваться на второстепенные замыслы легко объяснимо. Но обратимся к более ранним его высказываниям — и снова начнем со статьи о Нате Пинкертоне. Высокая оценка Конан Дойля, данная в ней молодым критиком, строго говоря, лишь относительно высока. Помимо общего иронического тона, в котором Чуковский говорит о Шерлоке Холмсе («Шпионство не ремесло для него», «В шпионстве он идеалист и поэт. Он шпионит ради шпионства, а не ради славы, не ради денег, не ради наград» [Чуковский 2012а: 41]), в статье есть и прямо уничижительные выражения:

Конечно, не Бог знает что такое эти романтические черты, — они только перелицованные лоскутки прежней байроновой и шеллевской идеологии, пришитые к Холмсу на живую нитку ловким литературным портным.

И к тому же лоскутки эти так пристегнуты, что все швы наружу... [Чуковский 2012а: 44]

Еще резче критик высказывался о Конан Дойле в менее известных своих текстах. Через год после «Ната Пинкертона» (в феврале 1909-го), в рубрике газеты «Речь» под названием «Литературные стружки», которую Чуковский некоторое время вел, он называет Конан Дойля «постылым автором постылого Шерлока Холмса, которого напрасно считают наследником По в детективном жанре» (цит. по: [Лукьянова 2007]).

В дневниковой записи от 28 июня 1920 года он характеризует рассказы Дойля как «ловко написанные, но забываемые и — в глубине — бесталанные» [Чуковский 2013а: 299]. Тридцатью пятью годами позже, 15 декабря 1955 года, он оценивает последние новеллы Конан Дойля о Холмсе как «плоские и тупые» [Чуковский 2013с: 209].

Один из романов (видимо, «Дело шокированных наследников», упоминаемое Чуковским в эти же дни в письме к Гордон) того самого Гарднера, у которого Чуковский не поленился прочитать 20 книг, он, если верить дневниковой записи от 1 апреля 1965 года, читал «от скуки», причем Перри Мейсон в этой записи назван «постылым» [Чуковский 2013с: 406–407]. Немного позже

(в 1967-м) он пишет о романе Гарднера «Дело очаровательной попрошайки»: «Чушь страшная», — правда, тут же прибавляет: «...но нельзя оторваться» [Чуковский 2013с: 440].

Не меньше достается от Чуковского и детективному жанру в целом. В феврале 1965 года он пишет Гордон: «...мне очень не хочется, чтобы Вы думали обо мне как о любителе детективной стряпни» [Чуковский 2013d: 673].

В том же ключе написана незаконченная статья Чуковского 1969 года «Триллеры и чиллеры», где критик конкретизировал свои претензии в адрес... И вот здесь стоит остановиться. Главный вопрос, который остается после прочтения «Триллеров и чиллеров», — чему же статья посвящена? Как и в письмах Чуковского, детективы, триллеры, полицейские романы и боевики в статье не различаются совершенно, хотя упреки, которые можно сделать одному из этих жанров, не всегда будут иметь отношение к другим. Что же это за упреки?

Первый из них — обилие убийств в криминальной литературе, в том числе в детективах. Снова — как и в «Нате Пинкертоне» — Чуковский смотрит на литературу развлекательную с позиций «серьезного» писателя и критика: ведь в реальной жизни убийство — дело серьезное; стало быть, если в криминальных романах обязательно совершается убийство, то это плохо, потому что... и вот тут снова возникают вопросы. Почему это плохо? Безусловно, смакование убийств — это патология; но как раз в детективах смакования убийств мы, как правило, не находим; перед нами своего рода шахматная задача, в которой труп подобен «срубленной» фигуре или пешке. Убийство здесь, по сути дела, и не убийство, а просто ход в игре. Для Чуковского, однако, такой подход неприемлем, поскольку убийство всегда серьезное дело (хотя и здесь позиция критика несвободна от противоречий).

Второй упрек связан с первым: детектив не интересуется человеком. Проявляется это в том, что читатель детектива не сочувствует убитому персонажу, поскольку не успел его узнать. Конечно, здесь Чуковскому тоже очень легко возразить, причем его же собственными словами: если тема детектива — это логика, значит, детектив весьма пристально интересуется человеком. Человек — существо разностороннее; помимо нравственного аспекта его жизни существуют и другие — в том числе интеллектуальный. Допустимо ли обвинять в имморализме или аморализме писателей лишь за то, что их интересовали не только нравственные проблемы, но и интеллектуальная гимнастика?

Третий упрек — детективы отбивают охоту к «настоящей» литературе; их читателя якобы «нельзя приманить художественно-идейной тематикой, поэтичностью и экспрессивностью образов, красотой и своеобразием стиля, тонким изображением многосложной человеческой психики» [Чуковский 2012d: 502]. Замечание серьезное, но... несколько голословное. На чем оно базируется? Фактически только на известности и тиражах авторов криминальной литературы. О том, что нет обратной зависимости между любовью к детективу и любовью к серьезной литературе, свидетельствуют примеры множества серьезных писателей, ученых, режиссеров²; и наоборот, многие литераторы совмещали детективное творчество с работой в иных, «высоких», областях культуры — или переходили к ним, расставшись с детективом. С другой стороны, если существует большое число людей, не способных заинтересоваться Гомером, Сервантесом, Чосером, Байроном, Толстым и Диккенсом, вряд ли нужно винить в этом детектив, который якобы развращает вкусы. Гомер и Сервантес по плечу не всем; попытки привить высокую культуру всем без исключения членам общества известны — известен и их крах. Если человек способен заинтересоваться Диккенсом, вряд ли можно требовать, чтобы он отказался от развлекательной литературы (в том числе детективной). Если же человек никогда не будет читать Чосера — тем более нет смысла требовать, чтобы он не читал еще и детективы. А рассчитывать, что в обществе, не знающем развлекательного искусства, все бросятся читать Толстого, было бы наивно; вряд ли и сам Чуковский так считал.

Четвертый упрек — обилие публикуемых детективов. Обилие это во многом иллюзорно: еще раз подчеркну, что Чуковский смешивает по меньшей мере четыре жанра. Фактически же его раздражение, вызванное количеством написанных криминальных романов, — это по-человечески понятное чувство, родственное раздражению от назойливой рекламы. Однако назойливость рекламы еще не показатель плохого качества. Равным образом большое число выпускаемых детективов само по себе не говорит об их низком уровне.

Упрек пятый: усложненность способов убийства. Правда, это замечание не сформулировано четко (что, на мой взгляд, не является достоинством статьи), но иронический тон позволяет легко его реконструировать. Это, наверное, первое существенное

2 См., в частности: [Каганович 2019].

возражение. Действительно, каждый детективист всегда рискует впасть в одну из двух крайностей: детектив может оказаться либо слишком примитивным, либо нарочито усложненным. В тот период, когда появлялись упоминаемые Чуковским романы, вторая ошибка встречалась чаще. С Чуковским можно согласиться в том смысле, что идеальный детектив оставляет впечатление естественности. С другой стороны, если выбирать из двух зол, усложненность в детективе лучше примитивности: она свидетельствует о желании писателя удивить публику, придумать какой-то новый сюжетный ход. Кроме того, читатель, взявший в руки детектив, ждет от него не реалистичности, а головоломки; в поисках реалистичности мы обращаемся к литературе другого рода.

Упрек шестой (тоже скорее реконструируемый, чем четко сформулированный) касается «великого сыщика»:

Его личность должна быть столь же необычна, оригинальна, причудлива, как и те преступления, которые ему удастся раскрыть. Никким образом нельзя допускать, чтобы это был обыкновенный работник уголовного розыска. Нет, он должен быть эксцентриком, чудачком, сумасбродом. Хорошо, если он будет немного смешон. Пусть в его характере будут забавные мелкие слабости, свойственные каждому гению. А гениальность должна быть непременно присуща ему — без этого никак невозможно. Великий кумир миллионов, он должен быть сверхпроницателен, потрясающе отважен и мудр [Чуковский 2012d: 499].

Судя по всему, недовольство критика вызывает здесь нереалистичность героев детектива. Однако в развлекательной литературе нереалистичность героя часто находится в обратном соотношении с качеством образа³. В тех же случаях, когда герой детектива похож на реальных следователей (у Павла Шестакова, Леонида Словина, Виктора Смирнова, Валерия Гусева), он оказывается фигурой бледной и незапоминающейся. Не исключено, что Чуковский в этих строках обвиняет образы «великих сыщиков» и в шаблонности; однако отсутствие примеров не позволяет говорить об этом с уверенностью. Хотя образы «великих сыщиков» описываемого Чуковским «эксцентричного» типа и построены по одной схеме, это никоим образом не делает их

3 Подробнее об этом см. в моей книге «Поэтика детектива» в главе «Детектив и романтизм»: [Моисеев 2017: 39–48].

похожими друг на друга: Пуаро не похож на отца Брауна, Роджер Шерингем — на Филиппа Трента, а Майлз Бридон — на лорда Питера Уимзи⁴. В конечном же счете упрек в шаблонности (если он действительно здесь подразумевается), при большом разнообразии созданных классиками жанра героев, видимо, также сводится к упреку в нереалистичности (образы не берутся из жизни, а создаются по лекалу).

Уже совсем странной выглядит последняя претензия Чуковского к детективу, разделяемая им с Эдмундом Уилсоном: «Не очевидно ли, что подобные массовые литературные опусы могут зарождаться лишь в той социальной среде, где царит такое же глубочайшее неверие в людей, в бескорыстие их побуждений и чувств?» [Чуковский 2012d: 505–506]. В двух словах ответ будет прост: нет, не очевидно. Если же отвечать более развернуто, то можно предположить, что здесь Чуковский опять смешивает разные жанры. Безусловно, так называемые «крутые» романы с их претензией на реалистичность вполне могут сформировать у некоторых читателей ту картину мира, о которой говорит критик. Но детектив — жанр настолько условный, что предполагать, будто читатель, которого обманывает автор, станет более подозрительным в реальной жизни, — все равно что предполагать, будто после представления фокусника у значительной части зрителей может развиваться параноя.

Вместе с тем даже в этой резкой статье Чуковский одобрительно высказывается о ряде авторов детективов. Это в первую очередь все та же тройка — По, Коллинз, Конан Дойль. Интересно, что о Кристи и Сэйерс Чуковский здесь высказывается уже гораздо более сдержанно, зато заслуженно высоко оценивает роман Эдмунда Бентли «Последнее дело Трента». С другой стороны, он утверждает, что «подобные романы и повести в большинстве случаев сочиняют халтурщики» [Чуковский 2012d: 504]. Оставим в стороне частный вопрос, точно ли заслуживают звания халтурщиков Найо Марш, Эрл Стенли Гарднер, Эндрю Гарв, Джордж Кокс — не говоря уже о Кристи, Сэйерс и Сириле Хейре. Коснемся вопроса более общего. Еще за 45 лет до статьи Чуковского Остин Фримен подметил одну характерную черту критики, посвященной детективам: «В то время как место этих жанров (любовного и исторического. — П. М.) в искусстве слова

4 Разумеется, были и случаи сходства, обусловленного влиянием — влиянием С. С. Ван Дайна на Эллери Квина, например.

определяется их лучшими образцами, о детективе почему-то судят исключительно по неудачам» [Фримен 1990: 28]. Если же Чуковский хотел указать на недостатки именно плохих детективов, то, как с сожалением приходится констатировать, ему это не удалось: во-первых, из-за смешения совершенно разных жанров; во-вторых, потому что почти все его возражения, как я попытался показать, бьют мимо цели.

Итак, Чуковский — очень странный апологет, переводчик и популяризатор детектива. Он то им восхищается (и глотает один роман за другим), то весьма рьяно его ругает. Интересно, что в тексте «Триллеров и чиллеров», в сущности, нет ответа на вопрос о причинах популярности детективного жанра. И это отсутствие ответа коррелирует с теми высказываниями о детективе, которые мы находим в дневниках и письмах Чуковского, где он и сам словно бы постоянно удивляется: почему эта литература доставляет мне столько удовольствия? Вместе с тем недоумение — что такого в этих детективах, что и мне самому, и множеству других людей так нравится? — сочетается у Чуковского с очень меткими наблюдениями над произведениями Конан Дойля и Коллинза. Тонко подмечая отдельные особенности жанра, он не дает формулы детектива в целом. Между тем ответ на вопрос «Что такое детектив?» был бы одновременно и ответом на вопрос «Чем мне нравится детектив?».

Обратим внимание еще на один любопытный факт: говоря о детективе, Чуковский почти не упоминает Честертона — одного из величайших детективистов и просто прекрасного писателя; если же и упоминает (как в «Триллерах и чиллерах»), то весьма бегло. Однако у Чуковского есть и несколько весьма важных высказываний о создателе отца Брауна. В письме Т. Литвиновой, написанном в первой половине декабря 1961 года, он называет Честертона «паршивым писателем» [Чуковский 2013d: 495]. Несколькими десятилетиями ранее, в предисловии к роману «Жив-человек», Чуковский высказывается гораздо корректнее по форме, но его негативное отношение к английскому писателю (при всей явно выраженной англомании Чуковского) очевидно. В дневнике, упоминая о том, что читает сборники новелл «Мудрость отца Брауна» и «Неведение отца Брауна», Чуковский характеризует их соответственно: «Wisdom rather stupid and Chesterton seems to me the most commonplace genius I ever read of» и «the most stupid thing I ever read» [Чуковский 2013b: 25]. Однако несколько дней спустя (27 марта 1922 года) он пишет:

Все же в Честертоне есть что-то привлекательное. Он, конечно, пустое место, но культурные люди в Европе умеют быть пустыми местами, — на что мы, русские, совсем неспособны. У нас, если человек — пустое место, он — идет в пушкинисты, или вступает в Цех поэтов, или издает «Столицу и Усадьбу» — в Англии же на нем столько одежд и прикрытий, что его оголтелость не видна; причем Честертон шагает такой походкой, будто там, под платьем, есть какая-то важнейшая фигура [Чуковский 2013b: 29].

Оценка Честертонa, конечно, глубоко несправедлива, но сейчас важна не она, а все та же двойственность восприятия Чуковским писателя с ярко выраженным детективным талантом: называя его «паршивым писателем» и «пустым местом», Чуковский все же не отбрасывает его, а продолжает читать и даже тратит время на перевод романа Честертонa. Аналогия с отношением Чуковского к детективу полная.

Вернемся к тому факту, что Чуковский не вполне понимал природу доставляемого детективом удовольствия, хотя сам это удовольствие и испытывал. Когда он называет романы Гарднера чушь, он словно бы протестует против этого удовольствия, указывая на то, что детективы совсем не похожи на все прочие книги, которые ему интересны. (Вместе с тем он реагирует на детектив совсем не так, как на брошюрки о Пинкертоне, которые он, заметим, для удовольствия никогда не читал. «Пинкертон» — явление, не заслуживающее снисхождения и интересное только как очень тревожный симптом.) Непохожесть детектива на серьезную литературу, видимо, не беспокоит Чуковского, когда он обращается к детективам изредка (вспомним его исключительно спокойные и в то же время глубоко положительные отзывы о Уилки Коллинзе); но его, возможно, смущает тот факт, что умные люди готовы зачитываться детективами, хотя произведения этого жанра невозможно воспринимать и оценивать так, как мы воспринимаем и оцениваем, например, Толстого.

Чуковский в целом критик традиционного для русской культуры типа: он ставил литературу в связь с тем, что Николай Олейников назвал «самым главным внутренним опытом». Это допустимо и необходимо, когда речь идет о серьезной литературе, причем даже не о всей серьезной литературе, но о значительной ее части — о Пушкине, Толстом, Некрасове и т.д. и т.п. И это мешает правильно воспринять литературу другого типа. Я не случайно здесь упомянул Олейникова: он в разговоре с Л. Гинзбург очень хорошо охарактеризовал этот другой тип литературы, к которому относилось и его собственное творчество:

Заговорили о его стихах.

— Это не серьезно. Это вроде того, как я вхожу в комнату, раскладываюсь и говорю что-нибудь. Это стихи, за которыми можно скрыться. Настоящие стихи раскрывают. Мои стихи — это как ваш «Пинкертон»⁵, как исторические повести для юношества.

— Нет, это несоизмеримо. Но я понимаю... Вы хотите сказать — вещи не из внутреннего опыта.

— Есть разные внутренние опыты. Может быть опыт умного и остроумного человека. Человека, который умеет сделать то, что хочет сделать. Это все может пойти в условную вещь. Только это не самый главный внутренний опыт [Гинзбург 1991: 6].

Детектив — литература именно такого рода: не раскрывающая автора, но демонстрирующая (если это хороший детектив) его ум и остроумие; это условный жанр. Как позже скажет Роберт Уоршоу, «отношения между конвенциями, на основе которых создается такое произведение, и реальным опытом аудитории или реальными подробностями ситуации, которая в нем отражается, имеют второстепенное значение и не определяют его эстетического воздействия. Лишь в последнюю очередь такие произведения апеллируют к присущему аудитории реальному опыту; а в первую — к предыдущему опыту самого типа произведений: он сам создает себе поле соотнесения» (цит. по: [Кавелти 1996]).

Отношения Чуковского с такой литературой, судя по всему, складывались сложно. В то же время, как я попытался показать, Чуковский не отторгал такую литературу полностью; он наслаждался ею и делал ценные замечания относительно конкретных ее представителей — до тех пор, пока не начинал ее сопоставлять с литературой «самого главного внутреннего опыта». После этого он вынужден был объявлять творчество Конан Дойля, Гарднера и прочих «чушь». Возможно, еще и по этой причине он в своем предисловии к сборнику произведений о Холмсе упорно называет Конан Дойля детским писателем: не исключено, что Чуковский чувствовал близость того, что делал Конан Дойль, тому, что он сам делал в своих произведениях для детей — особенно в стихах. Хороши ли стихи Чуковского? Разумеется, превосходны. Однако сам он, конечно, не считал их делом всей жизни (как и Конан Дойль,

5 Очевидно, Олейников имеет в виду роман Л. Гинзбург «Агентство Пинкертона». — П. М.

замечу, не считал своими главными книгами книги о Холмсе). Взрослый человек может получить удовольствие от детских стихов Чуковского (да и вообще от детской литературы) — но для этого он должен, так сказать, сменить регистр восприятия, почувствовать себя ребенком, обратить внимание на форму в чистом виде или, если угодно, на совершенство ремесленной отделки.

Не только вопрос о «стилистике плохой литературы» был мало разработан в первой половине XX века. Сами вопросы о том, что же такое детективная литература, на каких принципах она основывается, какова природа ее воздействия на читателя, не так просты, как может показаться на первый взгляд. Даже столь глубокий и пронизательный критик, как Чуковский, в ситуации методологического вакуума не нашел ответа на вопросы, которым посвятил «Триллеры и чиллеры»: что такое детектив и почему он пользуется таким успехом? Незаконченность этой статьи символична: Чуковский сделал многое — и остановился. Другие исследователи сделали то, что могло бы составить концовку «Триллеров и чиллеров». Но это уже совсем другая история.

Литература

Гинзбург Л. Николай Олейников // *Олейников Н.* Пучина страстей.

Л.: Советский писатель, 1991. С. 5–25

Зоркая Н.М. На рубеже столетий. У истоков массового искусства в России 1900–1910 годов. М.: Наука, 1976.

Кавелти Дж.Г. Изучение литературных формул / Перевод с англ. Е.М. Лазаревой // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 33–64. URL: <http://detective.gumer.info/texto2.html#cavelty> (дата обращения: 15.01.2020).

Каганович Б.С. Литература в жизни Евгения Викторовича Тарле // Вопросы литературы. 2019. № 6. С. 13–49.

Карлова Т.С.К. Чуковский — журналист и литературный критик. Казань: Казанский ун-т, 1988.

Кочеткова А.К.И. Чуковский — литературный критик 1900–1910-х годов. Дис. <...> канд. филол. наук. Саратов, 2004. URL: <http://www.chukfamily.ru/kornei/bibliografiya/knigidokumenty/kochetkova> (дата обращения: 15.01.2020).

Лозовская К. Записки секретаря // Воспоминания о Корнее Чуковском / Сост. К.С. Лозовская, З.С. Паперный, Е.Ц. Чуковская. М.: Советский писатель, 1983. С. 228–273. URL: <http://chukovskiy.lit-info.ru/chukovskiy/vospominaniya/lozovskaya-zapiski-sekretarya.htm> (дата обращения: 15.01.2020).

- Лукиянова И. В. Корней Чуковский. М.: Молодая гвардия, 2007.
- Моисеев П. А. Поэтика детектива. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017.
- Фримен Р. О. Искусство детектива / Перевод с англ. // Как сделать детектив / Сост. А. Строев. М.: Радуга, 1990. С. 28–37.
- Чуковский К. И. Нат Пинкертон // Чуковский К. И. Собр. соч. в 6 тт. Т. 6. М.: Художественная литература, 1969. С. 117–149.
- Чуковский К. И. Нат Пинкертон и современная литература // Чуковский К. И. Собр. соч. в 15 тт. / Сост. и подгот. текста Е. Ивановой и Е. Чуковской при участии О. Степановой. Т. 7. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012а. С. 25–62.
- Чуковский К. И. О Шерлоке Холмсе // Чуковский К. И. Собр. соч. в 15 тт. Т. 3. 2012b. С. 564–575.
- Чуковский К. И. Серебряный герб // Чуковский К. И. Собр. соч. в 15 тт. Т. 2. 2012с. С. 417–540.
- Чуковский К. И. Триллеры и чиллеры // Чуковский К. И. Собр. соч. в 15 тт. Т. 3. 2012d. С. 494–506.
- Чуковский К. И. Дневник (1901–1921) // Чуковский К. И. Собр. соч. в 15 тт. Т. 11. 2013а. С. 15–374.
- Чуковский К. И. Дневник (1922–1935) // Чуковский К. И. Собр. соч. в 15 тт. Т. 12. 2013b. С. 5–572.
- Чуковский К. И. Дневник (1936–1969) // Чуковский К. И. Собр. соч. в 15 тт. Т. 13. 2013с. С. 5–544.
- Чуковский К. И. Письма. 1926–1969 // Чуковский К. И. Собр. соч. в 15 тт. Т. 15. 2013d. С. 31–718.

References

- Cavelti, G. G. (1996). The study of literary formulas. Translated by E. Lazareva. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 22, pp. 33–64. Available at: <http://detective.gumer.info/texto2.html#cavelty> [Accessed 15 Jan. 2020]. (In Russ.)
- Chukovsky, K. (1969). Nat Pinkerton. In: K. Chukovsky, *Collected works (6 vols)*. Vol. 6. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, pp. 117–149. (In Russ.)
- Chukovsky, K. (2012a). A silver coat of arms. In: E. Ivanova, E. Chukovskaya and E. Stepanova, eds., *The collected works of K. Chukovsky (15 vols)*. Vol. 2. Moscow: Agentstvo FTM, Ltd., pp. 417–540. (In Russ.)
- Chukovsky, K. (2012b). Nat Pinkerton and modern literature. In: E. Ivanova, E. Chukovskaya and E. Stepanova, eds., *The collected works of K. Chukovsky (15 vols)*. Vol. 7. Moscow: Agentstvo FTM, Ltd., pp. 25–62. (In Russ.)

- Chukovsky, K. (2012c). On Sherlock Holmes. In: E. Ivanova, E. Chukovskaya and E. Stepanova, eds., *The collected works of K. Chukovsky (15 vols). Vol. 3*. Moscow: Agentstvo FTM, Ltd., pp. 564-575. (In Russ.)
- Chukovsky, K. (2012d). Thrillers and chillers. In: E. Ivanova, E. Chukovskaya and E. Stepanova, eds., *The collected works of K. Chukovsky (15 vols). Vol. 3*. Moscow: Agentstvo FTM, Ltd., pp. 494-506. (In Russ.)
- Chukovsky, K. (2013a). Diary (1901-1921). In: E. Ivanova, E. Chukovskaya and E. Stepanova, eds., *The collected works of K. Chukovsky (15 vols). Vol. 11*. Moscow: Agentstvo FTM, Ltd., pp. 15-374. (In Russ.)
- Chukovsky, K. (2013b). Diary (1922-1935). In: E. Ivanova, E. Chukovskaya and E. Stepanova, eds., *The collected works of K. Chukovsky (15 vols). Vol. 12*. Moscow: Agentstvo FTM, Ltd., pp. 5-572. (In Russ.)
- Chukovsky, K. (2013c). Diary (1936-1969). In: E. Ivanova, E. Chukovskaya and E. Stepanova, eds., *The collected works of K. Chukovsky (15 vols). Vol. 13*. Moscow: Agentstvo FTM, Ltd., pp. 5-544. (In Russ.)
- Chukovsky, K. (2013d). Letters, 1926-1969. In: E. Ivanova, E. Chukovskaya and E. Stepanova, eds., *The collected works of K. Chukovsky (15 vols). Vol. 14*. Moscow: Agentstvo FTM, Ltd., pp. 31-718. (In Russ.)
- Frimen, R. (1990). The art of the detective. Translated from English. In: A. Stroev, ed., *How to create a detective*. Moscow: Raduga, pp. 28-37. (In Russ.)
- Ginzburg, L. (1991). Nikolay Oleynikov. In: N. Oleynikov, *Abyss of passions*. Leningrad: Sovetskiy pisatel, pp. 5-25. (In Russ.)
- Kaganovich, B. (2019). Literature in the life of Evgeny Viktorovich Tarle. *Voprosy Literaturey*, 6, pp. 13-49. (In Russ.)
- Karlova, T. (1988). *K. Chukovsky, a journalist and literary critic*. Kazan: Kazanskiy universitet. (In Russ.)
- Kochetkova, A. (2004). *K. I. Chukovsky, a literary critic of the 1900s-1910s*. Saratov State University. (In Russ.)
- Lozovskaya, K. (1983). The secretary's notes. In: K. Lozovskaya, Z. Paperny and E. Chukovskaya, eds., *Reminiscences of Korney Chukovsky*. Moscow: Sovetskiy pisatel, pp. 228-273. Available at: <http://chukovskiy.lit-info.ru/chukovskiy/vospominaniya/lozovskaya-zapiski-sekretarya.htm> [Accessed 15 Jan. 2020]. (In Russ.)
- Lukianova, I. (2007). *Korney Chukovsky*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russ.)
- Moiseev, P. (2017). *The poetics of detective fiction*. Moscow: Izdatelskiy dom Vysshey shkoly ekonomiki. (In Russ.)
- Zorkaya, N. (1976). *At the turn of the century. The origins of mass art in Russia in 1900-1910*. Moscow: Nauka. (In Russ.)